

ФОТИНЯ

Синий плед неба в заплатках иных планет,
Снег, голубое пальто – мне от силы девять,
Бьются в висках океаны, в тетрадках бред:
Я сочиняю. Случилось. Не переделать.

Мама ругается: «Замуж-то кто возьмёт?»
Папа вздыхает: «И правда, товар-то штучный!»
Я намечтаю и бластер, и пулемёт,
Замуж подальше пошлю, но пока беззвучно.

Бабушка мысли читает мои сквозь лоб –
Раньше, чем мне, ей моё всё прекрасно слышно:
«Не для нарядов ты, а по душе озноб!»
Вьюжит мука. Наше тесто выходит пышным.

«Ты оставайся собой, продолжай мечтать,–
Скорбная складка у бабушки под губами: –
В мире моём я – Фотинья, совсем не та...»
Кто не поймёт, те живут и умрут рабами.

Бабушка в мир свой отправилась через год,
Плакал отец, даже сахар горчил полыньёю...
Где-то внутри, под кудрями ещё живёт:
«Ты продолжаешь – и славно. А я – Фотинья!»

ПАМЯТНИК БРАТУ

...и вот они тебя собрали вновь –
Кто сколько смог, по искрам и по крохам,
По параллельным выдохам и вдохам,
По памяти и по обрывкам слов.

И этот ты как будто и не ты –
Струящийся спокойным грустным светом,
Как ангел из разбившейся ракеты,
Как сон, не дотянувший до мечты.

«Не прав» уже не значит «виноват» –
Не все при жизни расправляют плечи...
Ты не судим по правде человеческой
И в смерти не один. Мы помним, брат.

ИЗ ДЕТСТВА С ПРИВЕТОМ

Так стремишься вернуться из дальних стран
В город школы, песочниц, дворов и детства –
Поискать в нём рубцы от заживших ран,
Отдышаться и заново оглядеться.

Мы гоняли по пыльной коробке мяч
(Кто не мог в нападении, был в воротах)...
Серый умер, Юляха – серьёзный нач,
Ксю в разводе – сбежала от идиота.

В Петербурге, в Стамбуле, в раю, в Москве –
У ребят изменились места прописки...
Тонет солнечный луч в золотой листве,
СМСки летят, как тогда – записки.

Вот и не к кому с тортом уже прийти,
Только дурочка Олька меня окликнет...
Отдаю ей коробку, и я – в пути.
«Ничего не вернуть, – я шепчу, – привыкни».

ВЛАДИСЛАВУ КРАПИВИНУ

Мы же, правда, увидимся, Командор?
Оболочки подводят – бывает, стынут...
Проходите зеркальный свой коридор –
Тёплый ветер расправит, как парус, спину...

Птицы книг вам под ноги стремглав летят –
Разве будет вам скучно с такою стаей?
Миллионы фонариков у ребят –
Это ваши созвездия расцветают!

Вам – салюты от тысячи кораблей,
Самолётики, планеры – с жёлтых окон!
Для детей, остающихся на Земле,
Серебрится нейронная сеть волокон:

Загадали загадки нам – и ушли,
В новый класс прошагали, до новых знаний...
Помнят вас журавлята и журавли –
Улыбайтесь оттуда. Вы наше знамя.

НАДЕЖДЕ КНЯЗЕВОЙ

Летит, бежит, идёт по городам,
Листая книги лиц, сердец и судеб
Раскладывая буквы по рядам,
Как пищу разливают по посуде,
И говорит на разных языках –
На струнном, человечьем или птичьем,
Как мягок волос, ласкова рука,
Как славен Бог в любом своём обличье...
Она поёт... Молчи – она поёт,
Не смей перебивать и прекословить,
Не осуждай поющую её,
Не путай нитей в трепетной основе,
Не рви, не замыкай их на себе,
Давай ей быть, как музыке и эху,
Как сказке иль народной ворожке,
Как здравнице, застрявшей под застрехой,
Дай просто ей с тобой происходить –
Прими преображенье и круженье,

Попутай «позади» и «вперед»,
Ищи наощупь нужные ступени...
Твой берег – безымянная земля,
Не знает короля и корабля,
И за тобою первый ход и шаг.
Довольно миру этому неметь,
Тесни собою и кимвал, и медь,
О Человек, что так душою наг...

СПИРАЛЬ

Посвящение К. С.

Шагающих в волнах вдвоём
Какая сила остановит?
За спуском следовал подъём,
И прирастала новь к основе.

Нас мучил солнечный рентген,
Но он не выявил изъяна:
Ты не сказал: «Сдавайся в плен!»
Я не ответила: «Не стану!»

К ступням, обласканным песком,
Струилась песня с теплохода...
Мы шли тропинкой-волоском,
В конце которого – свобода.

Мы назывались «ты» и «я»,
Был парус, не было штурвала...
И смерть, в улитке бытия
Вдруг закружившись, застревала.

ЦЫГАНКА

Сидел на остановке и курил...
Портал вокзальный. Преисподней лица.
Сквозь выпцветший реальности акрил –
«Эй, мать, а научи меня молиться?»

Ты весь – одно желание обнять
И плач по женщине – любимой и беспутной,
Набрал ты номер Бога сквозь меня...
Глаза блестели поволокой мутной.

В моей гортани – песни и стихи,
Как в горлышке восточного кувшина...
Нас окружали дУхи и духИ...
«Пиши. Я – Саша, а она – Марина!»

«Я всё отправлю почтой ей, как есть,
Я даже разворачивать не буду...» –
Последняя надежда, а не лесь,
Последний отсвет прежней веры в чудо...

«Она ведь у меня уже сидит,
А сам я в розыске, и завтра суд – закроют...»
И наркоман, пьянчуга и бандит
Ревел, как сто лирических героев...

И ток был – сообщение одно,
Небесным скорострельным телеграфом:
«Ты оттолкнётся, Саша, это – дно,
Иди сдавайся. Выплати все штрафы».

Смеялся он на шатком берегу,
Крича: «Я верю брату вашему цыгану...
Умеете – я всё теперь могу,
Я, если хочешь, на колени встану!»

«Потом, как выплывешь. Ты будешь бизнесмен –
Я жду тебя с цветами на концерте...»
Ушёл, смеясь. Закончился обмен
С той вечной силой, что сильнее смерти.

ВЕСНОДЕЛЬНИЦА

Говорят, что она вызывает весну не глядя,
Не касаясь, не думая, даже не видя в снах...
Вышивает созвездия танцем на водной глади,
Пропуская сквозь пальцы любимые имена.

Говорят, что она чемпионка по весноделью –
Обречённые жизни с ней вместе не верят в смерть:
Из болота тоски поднимается газ веселья,
Звонкий гейзера плеск, рассмеясь, разрезает твердь...

Говорят, не страшны ей железные когти стужи –
От нападков зимы ей становится лишь весней.
Говорят, семь веков ей для счастья никто не нужен,
Но... ты можешь проверить. Рискни – познакомься с ней.

СОКОЛИНАЯ ПЕСНЯ

У Марьи в прошлом – недооценка людских страстей, языков и правил:
С чужого джема крадут и пенку, недобрый глянул – считай ограбил.
Что девка счастье пером опишет, зевака праздный охотно верит,
Но сокол с Марьей летят всё выше – всё голоднее не-люди-звери.

И вот у Марьи дыханье сбито, колпак и посох блестят железом,
Сапог испанский для долгих пыток и край просфоры, чтоб губы резать...
И судят, судят её за почерк, за взгляд искрящийся соколиный,
Она молчит, как Маресьев-лётчик, и их не ставит ни в грош с полтиной.

Назавтра солнце встаёт над рощей, клубится дым покрывалом рваным,
Весь исхудавший, как чьи-то мощи, сокол решается стать Иваном.
Росистых капель сверкают грани – он вопрошает о Марье море...
Эта легенда не перестанет – как золотой цвет и цвет лазорев.